

К 60-летию Великой Победы

Прокопию Григорьевичу Курочкину, жителю нашего города, уже далеко за восемьдесят. Судьба его не баловала, но не сломала. Через всю жизнь пронес он трепетную любовь к людям труда, к каковому и сам относится, стремление к правде и чистоту помыслов. Думается, что его рассказ представляет интерес для читателей районной газеты, особенно молодых.

В сентябре 1940 года меня, девятнадцатилетнего парня, призвали в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Не думал и не гадал, что служба растянется на семь с половиной лет. Нас, группу новобранцев из Татарии, везли в теплушках все дальше и дальше на восток—как говорили, защищать Родину от японских самураев. Еще свежи были в памяти события на Халхин-Голе и озере Хасан.

Забайкалье—это солнечный, но суровый край. Голая, вы-

дые были—все ничем.

В декабре меня направили в железнодорожные войска. Попал в вагоноремонтные мастерские. Там без выходных дней, порой до глубокой ночи при свете керосиновых фонарей восстанавливали подвижной состав, в том числе бронепоезда. Ремонтировали также винтовки, пулеметы, а иногда по заказам воинских частей приходилось отливать из старых автомобильных поршней ложки, кухонные бачки и другую утварь, необходи-

“А эшелоны уходили без нас...”

А в сторону фронта все шли и шли эшелоны. Обратное возвращались пострадавшие от снарядов и бомб вагоны и платформы. Мы их восстанавливали. Так что без дела мы не сидели. Из соседней Монголии поступали туши забитых верблюдов, овец. Мы их перегружали и отправляли на фронт.

Часто по ночам приходили платформы с пиломатериалами—досками, брусьями, бревнами. До утра разгружаешь их—и снова в мастерские, несмотря на неимоверную усталость. Сроки ремонта были жесткие, чуть какая заминка—можешь угодить под трибунал. Но не из-за страха мы трудились. Совесть не позволяла поступать иначе. Мы завидовали тем, кто отправлялся в действующую армию громить врага. Завидовали еще и потому, что они по пути могут увидеть милые сердцу родные края. В сердце кипела ненависть к проклятым захватчикам. И мы вновь и вновь писали рапорта. И нам вновь и вновь отказывали. Некоторые солдаты, не выдержав такого испытания, сбегали на фронт, но по-

маты, полный боевой комплект. Наше железнодорожное подразделение шло вслед за наступающими советскими войсками. Мы восстанавливали разбитые снарядами и минами пути. На крышах вагонов и платформах были установлены пулеметы и легкие пушки, и мне с товарищами не раз приходилось отстреливаться от японцев, которые оставались в нашем тылу и не хотели сдаваться. Занимались и разминированием железнодорожных мостов, порой разгадывая хитроумные ловушки. Нередко нарывались на засады: тогда приходилось отбиваться всеми видами оружия. Многие товарищи погибли или были ранены, но меня бог миловал.

Прошел слух, что американцы сбросили на Японию какие-то мощные бомбы, от которых сгорело два города. Честно признаться, это тогда не очень то взволновало, лишь позже стали понимать, какую страшную угрозу для человечества представляет атомное оружие.

Вспоминаются такие картины: на некоторых станциях толпами бродили пленные японцы,

женная солнцем мую в армейском быту. В начале сорок перво-

стол, ни кустика, ни деревца. Лишь на горизонте виднеются сопки, напоминающие застывшие волны. Зимой морозы достигают пятидесяти градусов. И не дай бог—сразу прожигает до костей. Но это была наша земля, на ней жили советские люди, и их покой надо было охранять.

Высадили нас на станции Оловянная Читинской области, выдали поношенную форму, тяжелые солдатские сапоги и распределили по ротам. Наш полк располагался палаточным лагерем на берегу реки Онон. Многие поначалу были непривычным: обязательная физзарядка по утрам, умывание ледяной речной водой, весьма скудная пища... Но нам говорили, что так и нужно: солдат должен терпеливо и стойко переносить все трудности. Занимались боевой, строевой и физической подготовкой, слушали политинформации, рыли окопы, участвовали в учениях (ловили, например, в степи "диверсантов")—в общем, делали все, чтобы неприятель не застал нас врасплох.

Холода наступили рано, уже в октябре. Это мы почувствовали однажды утром, когда после команды дневального "подъем!" не смогли оторвать головы от постели: волосы примерзли к подушке. Мороз за тридцать, но мы по привычке без гимнастеров все равно выскакивали из палаток на зарядку. Моло-

го года я получил советское звание "младший сержант". Поскольку неплохо владел и столярным делом, меня определили мастером столярного взвода.

Все упорнее ходили слухи о предстоящей войне с фашистской Германией: она, дескать, вот-вот нападет на нас, а вслед за ней—и Япония. Командование всячески опровергало их. При каждом удобном случае нам втолковывали, что с Германией у нас дружба, что заключен пакт о ненападении, что там тоже строят социализм, только национальный, и всюю борются с врагами народа. И еще: тот, кто распространяет слухи, паникер и враг, которого надо ставить к стенке. Но ухо надо держать востро и не поддаваться на провокации недобитых семеновцев и врагов народа, которых ссылали в Забайкалье...

И вот весть о начале войны. Немец продвигался все дальше и дальше в глубь нашей страны. Я, как и многие мои товарищи, не раз подавал рапорты об отправке на фронт, но получал отказ. Нам говорили, что мы нужны тут, что тут тоже фронт и действуют суровые законы военного времени. А мимо нас один за одним проходили эшелоны с мобилизованными, военной техникой. Мы провожали их с надеждой и тоской в глазах.

Мы целыми сутками находились в мастерских. Прикорнешь ча-

сок-другой—и опять за работу. А тут урезали и без того скудные пайки. Солдаты начали пухнуть от голода. Однажды я упал без сознания и чуть не попал под пилу. В санчасти, куда меня доставили, было много подобных мне бедолаг. При мне несколько человек умерли от дистрофии. Но я выжил, потому что чувствовал: за меня постоянно молит бога моя мама. При проводах в армию она надела мне на шею крестик, зашила в куртку грамотку с молитвой, наказав служить честно и помнить о боге. Крестик с меня сорвали со смехом еще в Казани на призывном пункте, грамотка осталась с граждан-

ской одеждой, но наказ матери я берег в своей душе. В санчасти кормили поприличней, и через некоторое время я вернулся к сослуживцам.

На железнодорожной станции и в мастерских вместе с нами работали и гражданские лица, в основном политические ссыльные. "Троцкисты" и всяческие "уклонисты" видели наше бедственное положение и иногда подкармливали нас, делаясь последним. Приносили, например, замороженное молоко, которое мы растапливали и пили. Порой в свободные часы мы отправлялись в степь, где ловили трапаганов (сусликов), варили их и ели.

гали на фронт, но потом их судили как дезертиров. На фронт они, наверное, попадали, но уже в составе штрафных батальонов.

Из письма от родных я узнал, что моего младшего брата Афанасия тоже призвали на фронт. Он храбро воевал в Белоруссии, был наводчиком орудия, подбил несколько фашистских танков, в одном из боев был ранен в руку и бедро, полгода находился в госпитале в Караганде. За подвиг его представили к ордену Славы. А самое главное—он вернулся домой.

И вот настал день, когда нам объявили, что война с нацистской Германией победоносно завершилась. После грандиозного митинга по этому поводу нас впервые досыта накормили. Наступила долгожданная передышка в изнурительном труде. Но оставались японские милитаристы, которые хотя так и не решились напасть на Советский Союз, но постоянно держали в напряжении наши восточные границы, совершая провокации.

Вновь потянулись мимо нас эшелоны с боевой техникой и солдатами. Но уже на передовой, в августе сорок пятого, как известно, наши войска перешли границу и начали наступление на Квантунскую армию. Нам выдали новое обмундирование, новые авто-

станциях толпами ородили пленные японцы, их никто не конвоировал, иногда они вместе с нашими солдатами даже смотрели советские кинофильмы. Японцы были тихие и смиренные, постоянно кланялись и улыбались, пытались жестами объяснить, что они не виноваты, что их силой погнали на войну.

Нас всюду встречали как освободителей. Китайцы относились к нам очень доброжелательно, размахивали красными флагами, угощали рисовыми лепешками, сушеной саранчой, солеными яйцами и другой национальной едой, непривычной для нас. Попробуй откажись—обидятся.

После капитуляции Японии мы все ждали демобилизации: собирали чемоданы, чистили сапоги, гладили гимнастерки. Но приказа я так и не дождался. Еще почти три года пришлось прослужить на территории Китая, а затем в Корее. И только в марте 1948 года вернулся к своим родным и близким.

Много лет минуло с той поры, только не забыть ребят, с которыми служил бок о бок и с которыми сдружился. Пусть и не на передовой, но мы тоже внесли свою лепту в приближение Победы. И мы хорошо знаем, как дорого она досталась.

Записал А.Захаров.
На снимках: П.Курочкин в годы службы и в девяностые годы.